

студенческий православный журнал

ВСТРЕЧА

2 (25) 2007

90 лет восстановления
патриаршества

Тема номера:

**Мне жизнь – Христос,
и смерть – приобретение**

ВСТРЕЧА

2(25)
2007

Студенческий православный журнал
Московской духовной академии

Издается
по благословию
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Алексия II

Координаторы издания

архиепископ Верейский Евгений,
ректор Московской духовной академии

Е. А. Пархаев,
директор ХПП «Софрино»
Русской Православной Церкви

Главный редактор

Петр Королев

Редакционный совет

Николай Солодов
Алексей Забелин

Фото

Денис Матвеев
иерей Алексей Харламов

Корректор

Елена Пахомова

Верстка

Максим Мельниченко

Адрес редакции

141300 Московская область,
Сергиев Посад, Лавра,
Академия

Тел./факс: +7 (496) 540-62-18

<http://www.vstrecha-mpda.ru>
vstrecha@mpda.ru

Издание зарегистрировано
Комитетом РФ по печати
Свидетельство о регистрации
№ 017290 от 6 марта 1998 года

Журнал издается попечением
ХПП «Софрино»
Русской Православной Церкви

Подписано в печать 27.09.2007
Оригинал-макет изготовлен
редакцией журнала «Встреча»

Отпечатано в ХПП «Софрино» РПЦ

Тираж 5 000 экземпляров

Накануне празднования двух радостных событий: 90-летия восстановления патриаршества и юбилея владыки ректора, архиепископа Верейского Евгения — выходит этот номер. В нем мы решили затронуть непростую тему смерти, которая для православного христианина исполнена не столько страха, сколько светлой надежды. Отношение к собственной кончине проводит яркую грань между неверующим и верующим: для одного смерть — безнадежная потеря, для другого — самое главное событие в жизни, рождение в новое бытие. Апостол Павел говорит: *Мне жизнь — Христос, и смерть — приобретение*. Приобретением становится не только сама смерть, но и память о ней — нет другой такой темы, которая была бы столь плодотворной. Память смертная дает новый прилив жизненных сил, подвигает человека к тому, чтобы он дарил свою жизнь другим. Перед лицом смерти всякая ложь и фальшь становятся вдвойне омерзительными, а житейское тщеславие обнаруживает свою тщетность. *Помни последняя твоя и вовек не согресишь* — говорит премудрый Соломон.

Смерть каждый день напоминает о себе читателям газет и телезрителям, показывает им свое страшное лицо, но крайне редко кто решается вспомнить о ней самостоятельно, взглянуть на нее прямо и сказать: «Смерть, не пугай меня своими пустыми стахами. Твоей власти больше нет в этом мире. Христос воскрес, ад разрушен, и те, кого ты забрала, предстанут пред Богом. Мне тоже суждено стать на суд Божий, и ты тогда придешь за мной — но не как госпожа, а как служанка, по повелению Господню разлучить мою душу от тела. Я помню о тебе и готовлюсь встретить тебя, но в тысячу раз важнее мне приготовиться к встрече с Тем, Кто пошлет тебя».

Петр Королев,
главный редактор

патриарх

Священномученик Иларион Верейский и восстановление патриаршества

Д. В. Сафонов

Освящение памятника основателям Академии

игумен Дионисий (Шленов)

образование

Концепция духовного образования

Интервью с архиепископом Тобольским и Тюменским Димитрием

Дипломные и кандидатские работы МДАиС

смерть

«Это дар Божий — быть с человеком, который умирает»

Интервью с Фредерикой де Граас,
волонтером Московского хосписа №1

Соната о смерти

Николай Солодов

Может ли священник дать благословение на прерывание жизни?

Посмертная участь сельских жителей

Анна Соколова

«Мир иной» в русских сказках и христианских апокрифах

Елена Сергеева

Первая страница обложки — портрет священномученика Илариона Верейского.
При использовании материалов ссылка на журнал «Встреча» обязательна.

воспоминания

Торжество Православия

И. А. Гарднер

38

Обретение мощей святителя Феофана Затворника: как это было

Беседа архиепископа Верейского Евгения
с протоиереем Георгием Глазуновым

43

церковное искусство

Зодчие иконостасов

Иконостасный цех ХПП «Софрино»
Русской Православной Церкви

47

Четыре выставки, четыре взгляда

игумен Андроник (Трубачев)

51

Итоги фотоконкурса «Светопись Церкви»

53

миссия

Люди в рясах и костяк мирян

Интервью с епископом
Южно-Сахалинским и Курильским Даниилом

56

студсовет

Связующее звено

Интервью с Анатолием Колотом,
председателем Студенческого совета МДАиС

58

летопись

От Великого поста до Покрова

61

Редакция благодарит преподавателей и студентов
Московских духовных школ, участвовавших в подготовке этого номера.
Редакция будет рада сотрудничеству с новыми авторами, особенно со студентами.

протоиерей Борис Даниленко,
директор Синодальной библиотеки
Московского Патриархата

ПРЕДИСЛОВИЕ К «ТОРЖЕСТВУ»

Православному читателю в России имя Ивана Алексеевича Гарднера (1898–1984) стало известно после выхода в свет его фундаментального труда «Богослужбное пение Русской Православной Церкви». Уроженец Севастополя, чьи первые годы жизни прошли в Москве и Крыму, И. А. Гарднер большую часть жизни провел в зарубежье. В 1920 году, будучи иподиаконом и секретарем епископа (впоследствии — митрополита) Вениамина (Федченкова), он покидает крымскую землю с армией генерала П. Н. Врангеля. Турция, Греция, Болгария, Сербия, Чехословакия, Святая Земля, Австрия и Германия — такова география земных странствий И. А. Гарднера. Последние 30 лет своей жизни он был связан с Мюнхенским университетом, где преподавал историю византийской и славянской богослужбной музыки. Многими своими современниками — и российскими, и зарубежными — Иван Алексеевич воспринимался прежде всего как непререкаемый авторитет в области православного церковного пения и специалист по литургическим невмированным рукописям. Однако, его поистине неис-

черпаемые теоретические познания и практические навыки, относившиеся к церковно-певческой традиции, во многом зиждились на детских и юношеских впечатлениях от богослужения в православных храмах дореволюционной России. Обладая талантом публициста, И. А. Гарднер во множестве очерков-зарисовок, увидевших свет в русскоязычных эмигрантских изданиях, смог запечатлеть именно эти свои юношеские воспоминания. «Торжество Православия» — одна из таких талантливых зарисовок. В описании чина в Неделю Торжества Православия в Большом Успенском соборе Московского кремля среди прочих подробностей следует обратить внимание на время его совершения — после часов, перед Божественной литургией, а не так, как это усвоено современной практикой — перед ее отпуском.

Автор очерка упоминает совершавших чин иерархов: архиепископа Донского и Новочеркасского Владимира (Сеньковского) и сослуживших ему викарных епископов Московской епархии Верейского Модеста (Никитина), Можайского Димитрия (Добросердова) и Серпуховского Арсения (Жадановского). Следует отметить, что для последних были хиротонисаны во епископы лишь 18 мая и 8 июня 1914 года (соответственно), из чего следует, что дата описываемого события указана автором ошибочно. Скорее всего, И. А. Гарднер имел в виду богослужение, бывшее не 23 февраля 1914, а 8 февраля 1915 года. Именно в этом году архиепископ Владимир (Сеньковский), уволенный от управления епархией из-за болезни на покой, уже проживал в Москве, управляя Заиконоспаским монастырем.

Очерк, являющийся небольшой частью цикла неопубликованных биографических воспоминаний И. А. Гарднера «Ушедший мир», подготовлен нами к печати по машинописному варианту с авторской правкой, хранящемуся в библиотеке бенедиктинского аббатства Нидеральтайх (Германия). Стилистические особенности авторского текста по возможности сохранены.

Ф. Алексеев. Соборная площадь в Московском кремле

И. А. Гарднер

ТОРЖЕСТВО ПРАВОСЛАВИЯ

Из юношеских воспоминаний

1914 год. Москва. Первое воскресенье Великого поста — «Неделя Православия». Все любители церковного благолепия стремятся в этот день попасть в Успенский собор, на торжественное богослужение, — на «Анафему», как говорили. Но попасть в этот день в Успенский собор простому смертному было нелегко: для этого нужно было становиться в очередь с раннего утра, чуть не с рассвета, и то возможность попасть в храм была невелика; еще задолго до начала службы он бывал до отказа набит народом, и полиция, следившая за порядком, прекращала доступ в храм, во избежание давки.

Узнав, что в числе прочих архиереев в Успенском соборе будет служить и епископ Серпуховской Арсений, с которым я был знаком, я просил его иподьякона, иеродиакона о. Иоасафа, помочь мне попасть в Успенский собор на Анафему.

— Ничего нет проще, — сказал добрый о. Иоасаф, — приходите ко мне в воскресенье, я дам вам коробец с митрой Владыки, и мы пойдем в собор вместе.

В назначенное время я был в Чудовом монастыре (снесенном после революции) у о. Иоасафа, и мы пошли вместе в Успенский собор, до которого *не было и трех минут ходьбы*.

Был теплый предвесенний день: сквозь тонкую облачную пелену светило мутное солнышко; грязный желто-бурый снег уже таял, и вдоль тротуаров бежали мутные ручьи, с шумом вливавшиеся в люки канализации. Воздух был мягкий, влажный, полон запаха талого снега. На колокольне Ивана Великого мощно гудел большой колокол, потрясая воздух своим бархатным, густым медным языком, от которого дрожала грудь...

У западных дверей собора было черно от толпы. Среди нее мелькали черные с оранжевыми кантами шинели городских и серо-голубые шинели околоточных. Толпа оттерла меня от о. Иоасафа еще до того, как я добрался до дверей собора. В это время в собор попарно проходили певчие Синодального хора. Я двинулся за ними, но околоточный остановил меня.

— Нельзя-с, — сказал он, преграждая мне вход, — собор полон до отказа. Извольте, молодой человек, в другую церковь идти.

— Я несу митру епископа Арсения, — отвечал я, показывая коробец с митрой.

— Ах, тогда проходите. Пропустить молодого человека с митрой, — отдал он распоряжение городовому, стоявшему перед самыми дверьми собора.

Кое-как, с трудом протолкался я через толпу, наполнявшую собор, в левый придел, как это было условлено с о. Иоасафом, и оттуда попал в алтарь. Там было множество духовенства, готовившегося встречать архиереев.

Я растерялся среди сонма дьяконов, иподьяконов, протоиереев и архимандритов. Протодьякон Розов, всероссийская знаменитость, — красавец-богатырь, румяный, в золотом глазетовом, словно выкованном стихаре, что-то вполголоса объяснял одному из архимандритов в мантии. Но тут подошел ко мне о. Иоасаф, взял от меня коробец и отшел в небольшой простенок, соединявший алтарь с темным переходом, слабо освещенным окном с замысловатой

решеткой, круглые оконца которой были затянуты слюдой. Там синодальные певчие надевали свои праздничные кафтаны малинового бархата с золотом, по покрою напоминающие боярские одежды с высокими воротниками, совершенно иного вида, чем обычные в русских церковных хорах, кунтуши польско-украинского образца XVII века.

Сдержанно гудела наполнявшая храм толпа. Мощные удары колокола на Иване Великом сливались здесь в сплошной гул. Мутные лучи солнца пробивались в алтарь, пронизывая благовонную голубую дымку кадил.

Но вот два иподьякона в золотых глазетовых стихарях, крест-на-крест опоясанных ораями, отодвинули тяжелую, тихо звеневшую на кольцах шелковую завесу и разом раскрыли невысокие, но широкие царские двери. Шум толпы затих. Послышался тихий рокот бубенцов архиерейской мантии. В алтарь вошел один из сослужащих архиереев, епископ Можайский Димитрий. Царские двери опять закрылись... Колокол на Иване Великом продолжал гудеть.

Скоро таким же образом были встречены и епископ Серпуховской Арсений и епископ Верейский Модест. Но вот гудение большого колокола рассыпалось вдруг множеством подголосков, полился праздничный трезвон.

Духовенство (кроме архиереев) стало выходить из алтаря боковыми дверьми для встречи архиепископа Донского и Новочеркасского Владимира, который должен был первенствовать в служении. Трезвон разом смолк. Еле-еле гудела толпа. У входа рокотали бубенцы мантии и тихо позванивали, качаясь, взметаемые в руках дьяконов кадила.

И вот, среди этой внезапно наступившей тишины, раздался негромкий, но наполнивший собою весь храм, низкий грудной, но мягкий бас протодьякона Розова: «Премудрость...» И потом, еще тише, еще ниже, тихим говорком-рокотком: «Достойно есть яко воистину, блажити Тя, Богородицу...»

Словно ветер пронесся по древнему собору словно шум вод далеких или шум приближающегося дождя — тихо-тихо начал на обоих клиросах собранный полный Синодальный хор петь входное «Достойно». Чистые ровные голоса мальчиков — серебряные дисканты, медные альты, порхающие тенора, певчие баритоны и бездонные бархатные октавы слились в один мощный, но тихий, дивный хор, наполняя весь собор.

А собор этот помнил Великих князей Московских, собирателей земли Русской, первых царей, императоров, митрополитов и патриархов. Звук хора то нарастал, то снова затихал.

Я был потрясен этим пением, хотя уже тогда меня трудно было удивить: я слышал уже знаменитые хоры и в Москве, и в Петербурге, и в Киеве, видел архиерейские службы в больших соборах. Но ничего подобного я еще не слышал. В этот миг я необыкновенно остро почувствовал всю неска-

Протодьякон Константин Розов с братом — дьяконом Михаилом. 1912 г.

В. Маковский. Певчие на клиросе

занную красоту того, что меня окружало, во что я был в ту минуту всем моим существом погружен. Я понял монолитность целого: этого древнего собора с уходящими ввысь тяжелыми круглыми столпами, украшенными строгими фресками, и алтаря, блещущего золотом, и ароматного дыма кадил, и золотых облачений священнослужителей, и дивного пения, и благоговеющего шума толпы; слова священных песнопений, истово творимые молящимися крестные знамения — все это было неразрывно одно с другим связано в одно дивное целое...

И вдруг раздался громкий торжественный аккорд полного хора: «Тон деспотин ке архиереа имон», — архиерей благословлял с амвона народ. Началось облачение архиереев; сослужащие архиереи облачались в алтаре. Хор пел «Да возрадуется», но не намозолившую уши композицию Львова, а другое, мною до тех пор не слышанное (кажется — Балакирева). Я любовался стройными, соразмеренными, симметричными движениями иподьяконов, облачавших архиереев. И опять-таки в них почувствовалась веками создававшаяся традиция, непередаваемая словами, вековое предание благочестивых отцов наших. Она сказывалась во всем: и в движениях священнослужителей, и в том, как стоят люди в храме, и в том, как и что поет хор. Чувствовалось, что здесь собрано из самого лучшего самое лучшее. Да, это неза-

бываемо, и блажен тот, кто видел и кто слышал эту красоту: такой славы и красоты больше нет на земле!..

Кончилось чтение часов. Начался чин Православия. Архиереи и все духовенство вышли из алтаря, архиереи стали на громадном, покрытом алым сукном архиерейском амвоне среди храма. Сонм прочего духовенства, с иконами в руках, стал двумя рядами, мало что не до самых царских дверей.

Но вот торжественное молебствие чина подходит к концу. Протодиакон Розов поднимается на высокий, специально для этого установленный у переднего левого столпа помост с аналоем. Общее внимание обратилось на Розова.

«Кто Бог велий, яко Бог наш, Ты еси Бог, творяй чудеса един», — начинает петь Розов тихо, в нижнем регистре, особым древним напевом. И после небольшой паузы он повторяет то же самое, но уже громче и немного выше. И в третий раз он поет те же слова, тем же напевом, но уже полным голосом и в более высоком регистре. И затем начинает читать громко, выразительно, обычной разговорной декламацией синаксарь чина Православия: «Православия день празднующе, благовернии людие...», и затем произносит он Символ веры.

Но как он его читал! Не нараспев, но каждое слово получало у него особую силу и вырази-

тельность. Я поражаюсь, как он достигает такой выразительности, не прибегая ни к каким «декламаторским», «ораторским» или «театральным» эффектам, — так просто, как бы в беседе убеждая кого-либо, — и как торжественно, без малейшего намека на драматичность, в которую так опасно впасть при «декламационном» чтении. Недаром Розов был знаменит в России как художник-прото-диакон, не только благодаря своему исключительному голосу, но и благодаря умению владеть им.

«Сия вера истинная,
Сия вера апостольская,
Сия вера православная,

Сия вера вселенную утверди», — снова древним напевом поет Розов по прочтении Символа веры. И затем читает, как Церковь содержит веру и предание святых отец, а инако верующих отделяет от себя. И тут Розов, несколько понизив голос, сказал с расстановкой: «и а-на-фе-матствует!»

И затем, еще понизив голос, начал «выкликать» анафематствования:

«Всем, глаголющим Бога не быти и миру само-бытну создатися — анафема!»

«Анафема! анафема! анафема!» — грозно запел унисоном весь сонм священнослужителей в подавляющем большинстве басов.

«Анафема, анафема, анафема!» — подхватил Синодальный хор.

И снова «кличет» Розов новое отлучение — и в ответ гремит грозное «анафема» клира и певчих.

Строго глядели лики святых мучеников на фресках высоких столпов; строго, торжественно, во всей славе православия стояли облаченные в золотые, словно кованные, саккосы архиереи.

Чувствовалась страшная власть Церкви вязать и решить. Жутки были эти анафематствования, уже столетиями, из года в год гремящие под этими сводами.

Были ли эти анафематствования проклятиями, как думали многие? Нет. В проклятии — ненависть, жажда мести и уничтожения. Здесь же, это ясно сознавалось: Церковь не проклинала, а просто отделяла от себя тех, кто сам не сознает себя принадлежащим к ней и не принимает ее учения. Те, кто не верит так, как учит Церковь, — отделены, чужды ей, «анафема» — «отложено», — но всегда могут быть приняты обратно, если сознают свою ошибку и вернуться к православному учению. Не столько Церковь отделяет их от себя, сколько они сами от нее отложились и теперь Церковь торжественно объявляет об этом.

Анафематствования кончились. Розов стал читать о том, как Церковь ублажает, хранит и чтит память тех, кто защищал и сохранял веру православную. И теперь по храму понеслись тихие звуки: «Во блаженном успении вечный покой...» И затем, как поразил я услышав: «Равноапостольному царю Константину... Юстиниану Великому... Феодосию Великому, Феодосию Юнней-

шему... Равноапостольному князю Владимиру... царю Иоанну Васильевичу, царю Алексию Михайловичу... императору Александру Третьему...»

В этом поминовении — понял я, — в сознании Церкви жили все поколения православных, не только ныне живущие, но и давно уже скончавшиеся. В этой «вечной памяти» и тем, кому мы правим молебны, вместе с теми, по ком мы служим панихиды, сразу после анафематствований, выразилась совокупность, соборность и повсеместность всех поколений всех верных православных людей.

А после «вечной памяти» было возглашено, с обычным громогласием многолетие государю императору и прочим православным царствующим особам, православным патриархам: Константинопольскому, Александрийскому, Антиохийскому и Иерусалимскому, властям и всем православным христианам.

Хор торжественно пел чудное многолетие Каспальского, так веющее древним русским складом и так любимое в Москве.

При пении «Тебе Бога хвалим» архиепископ Владимир и прочие архиереи проследовали в алтарь. Будучи болен ногами, он не служил литургии: служил епископ Модест в сослужении других архиереев.

И тут я опять подивился искусству Синодального хора: ведь «Тебе Бога хвалим» пели не концертно, а на простой 3-й глас московского напева, на два клироса, попеременно. Но как торжественно звучал этот гимн в исполнении Синодального хора! Едва уловимыми акцентами, изумительно выразительной дикцией хор сделал из этой примитивно-простой, постоянно повторяющейся мелодии настоящее художественное произведение, гораздо более выразительное, торжественное и сильное, нежели всюду исполняемое громогласное, насыщенное условным пафосом, концертное «Тебе Бога хвалим» Бортнянского. С тех пор, когда я слышу эту вещь Бортнянского, в меня закрадывается тоска по пению Синодальным хором «Тебе Бога хвалим» на обычный, самый простой московский третий глас, но... с дикцией московского Синодального хора!

Торжественный чин Православия в московском Успенском соборе произвел на меня громадное впечатление, оставшееся на всю жизнь. И до этого, и впоследствии мне приходилось присутствовать на торжественных богослужениях в разных местах, слышать очень хорошие хоры. Но описанное богослужение по силе впечатления осталось у меня наиболее памятным, донныне забываемым. Могу смело сказать теперь, спустя полвека с тех пор, что тогда я полной грудью вдохнул то, что является русским православным церковным преданием и русской церковной культурой. Им нельзя научиться по книгам или по рассказам: их можно в полноте только воспринять.